

НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ ДИВИЗИИ

СПИЦЫН Николай Силантьевич
участник сражения за Коротояк

СПИЦЫН Николай Силантьевич родился в 1923 году, в наградных документах указано место рождения: Курская область, Горшеченский район, село Богородицкое, проживал Белгородская область, Буденновский район, село Раздорное. Был призван в РККА в декабре 1941 года Алексеевским райвоенкоматом Воронежской области. Член ВКП(б) с 1942 года. Участник Великой

Отечественной войны с января 1942 года на Южном, Воронежском, Калининском и Втором Прибалтийском фронтах. За проявленные доблесть и мужество в мае 1944 году Спицын Н.С. награжден медалью «За боевые заслуги» и в 1985 году к 40-летию Победы Орденом Отечественной войны II степени. Принимал участие в боях за Коротояк как рядовой боец 174 стрелковой дивизии 494 стрелкового полка 3 батальона 9 роты, затем - 139 стрелкового полка 46 Гвардейской стрелковой дивизии, а с января 1943 года гвардии рядовой, писарь партучета политотдела этой прославленной дивизии.

*****

Мы вышли на опушку соснового леса и долго смотрели на правый берег Дона. Перед нами был город **Коротояк**. Особенно выделялась церковь и много земли. В 1942 году **Коротояку** было триста лет со дня основания. Этот военно-сторожевой пост на юго-восточной границе русского государства в составе Белгородской черты был захвачен фашистами.

На снимке: довоенный город Коротояк.

Никто не знает, сколько врагов видел этот пост, терзавших русскую землю и получивших отпор.

- Красив город, мы его возьмем,- сказал санинструктор Броварь.

Он был лет на пять старше, опытнее меня. Мне не приходилось освобождать села и города. Зимой 1941-1942 года в снегах Донбасса мы несли свою вахту, чтобы враг не прошел, а наши атаки кончались безуспешно. И сюда пришли из Грибановских лесов Борисоглебского района после формирования дивизии из бывшей 130-й отдельной мотостроительной бригады. Пешком, шагая по 50-60 км в сутки в июльскую жару с полной боевой выкладкой, впроголодь и при недостатке еды, мы спешили, чтобы остановить врага. В Давыдовке нас встретили духовным оркестром, и с ходу мы развернулись в цепь и начали окапываться. Наш подбитый танк дымил, посередине шел бой, мы оказались во втором эшелоне, а когда подошли к Дону, то мост через реку был разрушен, под ним трупы наших и вражеских солдат. Говорили, что при бегстве противника наши подразделения, преследуя его, тоже достигли моста и хотели прорваться в **Коротояк**, но наш У-2 вывел мост из строя. Нас расположили на левом берегу в районе Петропавловской МТС.

День и ночь противник не давал покоя. Мины и снаряды сыпались, как будто их немцам поставляли по конвейеру. Пулеметный огонь не был эффективным. Снайперы работали, из окопа без нужды не высунешься. Потери мы несли, но ответить нам было нечем. Когда темнело, ходили в сторожевое охранение через разрушенный мост на правый берег, охраняя бульжную дорогу, ведущую на **Коротояк**. Ночью отвели нас в сосновый лес. На чистом песке лежало два убитых немецких офицера. Молодые, красивые. Тлен еще не исказил их лиц, внешне не видно никаких ран. Казалось, что они рядом спят, даже часы на

руках, блестящие хромовые сапоги. Немцы так спешили, удирая за Дон, что бросили своих офицеров. Редко бывает, чтобы они не хоронили своих. Обычно они копали длинные траншеи и в специальных мешках складывали убитых. Поэтому редко, только после быстрого продвижения наших войск оставались не захороненные трупы фашистов. Мы не стали интересоваться ни документами убитых, ни их оружием и званием. Зачем они шли за тысячу километров? Кто их звал? Неужели вам надоело жить и умирать на своей земле? Такие мысли зрели в наших головах. Жалости мы к ним не испытывали, особой ненависти тоже. Может, они были расстреляны своими за невыполнение приказа, и их не стали хоронить?

Красив **Коротояк**, но там враг. Красив, но там Дон, и мост разрушен. Не очень широк Дон в этом месте, но его надо форсировать. Не все умели плавать, да еще с оружием и немалым грузом преодолеть водное препятствие и препятствие огневое.

Много видел Дон. Восстание Булавина 1707 года против крепостного права, которое кончилось поражением. Немало крестьян, беглых солдат и рабочих людей принял он в свои воды. На пути в Черкасск видел Дон и походы русских войск против половцев, Куликовскую битву в 1380 г. Дмитрия Донского. Дон видел бои иностранных душителей свободы 1918-1920 годов типа Краснова, германских захватчиков 1918 года. В период иностранной интервенции и гражданской войны Первой Конной армией под командованием Семена Михайловича Буденного был освобожден город Ростов-на-Дону, несколько месяцев там же велись бои оборонительные в 1941 году. А теперь фашисты взяли Воронеж.

Теперь наш черед.

Трудно передать чувства рядового солдата, его мысли и надежды, того рядового, который лежал в воде, мерз и голодал, кормил вшей, месяцами не видел теплой пищи, ел снег вместо воды, солдата пехоты, не имевшего вестей из родных мест, солдата, чья жизнь мало что стоила в сравнение с той целью, ради которой он все выносил. Откуда-то вспомнилось: «В грохоте войны редко слышны стоны отдельных людей. Война действует массами. Отдельные существования гибнут, как щепка в речном водовороте. Под тяжким молотом войны дробятся целые страны. Что стоит раздробить крошечную жизнь крошечного человека?».

Что думал солдат, идя в атаку, прячась в окопе от шедшего на него танка или летящих сверху бомб, снарядов, мин? Не

всегда солдат думал, что его маленькое дело – есть часть победы, что он придет к ней.

Какие силы заставляли его это выносить?

Если солдата-пехотинца спросить: «Можно ли в течение трех месяцев жить в снежном поле зимой при сильных морозах, не имея пищи, воды, землянок, где можно было уснуть, огня, где можно было бы подсушить валенки, бани, где можно было бы умыться и искупаться, не имея белья, где хлеб рубили топором, а перловку глотали кристаллами?». Можно. Такое мы вынесли зимой 1941-1942 года в Ворошиловоградской области. Это мог вывести только советский солдат, молодость. Теперь было лето. Жить было можно и нужно.

Младший политрук Оганесян променял свой новенький автомат ПППШ на револьвер с тремя патронами.

- Тяжело, да и неудобно с ним, да еще и два запасных диска.

- Зря, товарищ младший политрук.

Вижу, обиделся. Всего три патрона, два по немцам, один – себе. Это я ему и сказал. Он улыбнулся и нечего не ответил. Молодой, статный, со звездочкой на рукаве, чем-то привлекательный младший политрук погиб сразу после форсирования Дона. После залпа «Катюш» по городу девятая стрелковая рота, не встретив сопротивления противника, сходу захватив дымящуюся кухню и другие трофеи, по железной дороге и по болотистой, заросшей осоками и камышом низине достигла небольшой речки, берега которой соединял железнодорожный мост с немецкой охраной. Мы шли тихо без единого выстрела. По мосту возле будки взад-вперед ходил мостовой, не высказывая никакого беспокойства. Пройдет, постоит, посмотрит на речку, повернется и пойдет в обратную сторону, шагов двадцать – тридцать, опять постоит, не спеша поворачивается. Итак, все время, как маятник. Судя по оставленным посылкам, пред нами были не только немцы, но и мадьяры (так венгров называли на фронте).

Об этом говорили адреса – Дрезден, Лейпциг, Гройц и другие. Некоторые посылки еще не были зашиты. Это были куклы, игрушечные медведи, фотографии, подушки, простыни, одеяла, зубные щетки, паста. Ничем не брезговал грабитель и мародер. Все ему нужно. Жить собирался долго и богато и зубы чистить русской пастой, зубным порошком и на русских простынях и подушках спать.

Не всем, далеко не всем грабителям и их семьям удалось воспользоваться тем, чем богата была русская земля.

Даже когда рота бесшумно достигла левого берега реки и командир роты Николай Ануфриевич Мандер, младший политрук Оганесян со связными от каждого взвода подошли под мост, часовой на мосту не проявил беспокойства.

Два полковых или дивизионных разведчика сняли часового бесшумно. Наш взвод вплотную подошел к берегу Тихой Сосны. На том, правом берегу, купались и загорали немцы. Винтовки были поставлены в козлы, два пулемета стояли на берегу. Никакого беспокойства немцы не испытывали. Они были уверены, что здесь никого нет. Бой кипел в самом **Коротояке**. Но вдруг послышались команды: «Achtung! (внимание) Achtung Lauf! (смирно, бегом). Через пару минут их как ветром сдуло. Что заставило их принять такое решение? Часовой на мосту, кажется, не успел подать никакого сигнала тревоги. Нам было приказано себя не обнаруживать, на что бы надеялись, неизвестно. Если бы нам приказали, никто с того берега не ушел бы. Расстояние не превышало 15-20 м, мы были хорошо замаскированы кустарником и травой. Это в голом виде немцы казались обычными, беззащитными. Но мы уже знали, что такое вооруженный фашист. Потом мы узнали, что фашисты и здесь расстреляли учительницу Толмачеву, повесили председателя Совета Кислякова, грабили, тянули все, что им нравилось. А теперь они купались в реке, в которой купался я в дошкольном возрасте вместе со старшим братом, когда семья жила в Острогжске. Они заняли Подгорное под Воронежем, там я ходил в пятый класс. Враг топтал родную землю. Умение и скорость, с которой собрались полуголые солдаты, вызвали не только чувство зависти, но и тревоги.

Мы понимали, что попадись мы в такой переплет, пощады ждать не пришлось бы. Своего шанса они не упустили бы.

В это время из штаба батальона прибежал связной и объяснил, что комбат приказал роте немедленно отойти до переезда железной дороги и окопаться. Мы быстро отошли и начали окапываться, копать щели. Командир роты с политруком и связными остались под мостом. Мы слышали там перестрелку. Кончилось тем, что Оганесян и один связной не вернулись.

Глину копать трудно, но нужно. Свой окоп я начал оборудовать правее толстой вербы. По всей длине переезда росли вербы. Их было так много, что для танков эта низина была не проходима. Мандер с двумя связными появился, когда работа шла полным ходом. Не успели мы окопаться в полный профиль (в полный рост), как началась атака. Немцы шли с боязнью, строчили из своих «шмайссеров» (немецкий автомат)

куда зря. Прицельного огня они не вели, но пули летят густо. Если бы хоть сотая пуля убила одного солдата, война бы для нас закончилась. Сидим и ждем, когда подойдут ближе. Мандер громко предупредил: «Без моей команды не стрелять! Наметьте каждый свою цель, подпустите поближе и бейте без промаха. Сигнал – сабля над окопом».

У Мандера была кавалерийская сабля и кавалерийская шинель. Время от времени мы поглядывали на окоп командира роты. Я был в бою не первый раз. В марте испытали мы атаку пехоты противника. Но вот так, чтобы на одну роту, где было много новичков, шла большая группа врага... Было не по себе. И вдруг после какого-то крика-команды они побежали на нас. Было видно, что они лишь предполагали наше расположение, а точно не знали, где мы, сколько нас, чем мы вооружены. наших окопов им не было видно. Вооружены мы были плохо. На железнодорожной линии стоял «Максим», два ручных пулемета ДП небольшого веса. Но пулеметчик Горлачев умел стрелять без промаха. Позади роты – батарея 82-х мм минометов. Автоматов было мало, главное оружие – винтовка образца 1891/30 гг. В роте было противотанковое ружье.

Когда немцы прикатили пушки, чтобы выбить нас с позиции, все три пушки были подбиты нами. Одно оружие, похожее на наше противотанковое оружие, мы прикатили себе на позицию, пытались даже из него стрелять по эшелону, который стоял на станции Копанище, но не нашлось специалиста.

У каждого из нас было по 3-4 гранаты РГД-33 и по 2-3 Ф-1. Нас было еще больше сотни. Кто-то не выдержал, начал вести огонь, и тогда всякая команда о прекращении огня была бесполезной. По нашему мнению, урок противнику был немалый, так как атак больше не было, а всю ночь немцы таскали раненых и убитых. Убирали они убитых и раненых – была такая возможность, они наступали. Когда фашистам пришлось бежать, вот тут не только убитых, но и раненых они оставляли предостаточно. Раненые немцы, зная традицию гитлеровцев пристреливать раненых советских солдат, боясь, что их пристрелят советские воины, кричали всегда одно и то же: «Гитлер капут! Не убивайте! У меня трое детей!». О наших детях они не спрашивали. Сотнями тысяч сжигали, били, добивали, морили голодом и каторжной работой и взрослых, и самых маленьких детей по приказу свьше и без приказа.

После первого наступления на нашу роту, к утру, мы окопались в полный профиль, выкопали лисьи норы. Насыпанная на переезде глина позволяла копать на большую

глубину, а вот рядом низина, на один-два штыка лопаты и – вода. Оборудовали мы окопы капитально, как-будто знали, что быть в них придется больше двух месяцев. Никто этого тогда не знал. В любой момент мы могли получить приказ: «Вперед!», и весь труд, как это случалось много раз, был вроде ни к чему. Но цена этого труда очень велика – это жизнь. Стоило копать. Не раз приходилось видеть, когда уставший, обессиленный или боец с ленчой платил жизнью за свою слабость или лень впервые же минуты боя. Конечно, и окоп иногда становился могилой, хотя он был и с лисьей норой. Но это иногда. Даже мины ротного минометы в радиусе 10-15 метров на ровной местности счищают траву в верхний слой почвы. Осколки от снарядов могут пойти вверх, но когда оперенная мина упадет близко, здесь помочь может лишь одно – окоп, хотя бы ровик с бруствером. Кто оставался живым после первого налета, тот это понимал хорошо без всякого объяснения и принуждения. Долбил землю мерзлую и сухую, каменную и мягкую, сырую, сыпучую, всякую. На то и пехота. Хоть бы голову спрятать.

На другой день и целую неделю подряд атаки на нашу роту продолжались. Это были яростные бои. На наших глазах с высоты, справа - с направления, где находился Острогожск, на велосипедах подъезжали немцы в течение нескольких часов прямо днем и шли в атаку. Иногда это повторялось 5-6 раз в сутки. Как правило, ночью они не атаквали. Казалось, силы наши истощались без сна и пищи, от напряжения. Не было хорошей воды. Пили болотную. Ночью нас могли перебить сонных и беззащитных. Командир роты лейтенант Мандер это понимал и из наиболее выносливых солдат назначал сторожевое охранение из 3-4 человек. Немцы намеревались незаметно подойти, но охранение подняло тревогу. Тем не менее, немцы подошли на близкое расстояние и бросали свои гранаты с длинной деревянной ручкой и белым шнуром. Для броска они были удобны, шуму делали немало, но против наших РГД-33, да еще с козухом не годились.

Рядом с моим окопом находился санинструктор Броварь Иван Григорьевич. Немец, споткнувшись, оказался в тесном окопе. Броварь ударил немца автоматом по каске и окованным прикладом в лицо, сбил с ног на дно окопа. Граната с длинной деревянной ручкой упала поблизости. В это время вторую он поймал на лету и отбросил ее в сторону противника. Осколки ранили его лицо, он зажал ладонью глаза. Тут с трудом очухался оглушенный Броварь и связал немца.

Гранаты больше не летали, немецкие автоматы молчали, только наша разбуженная не вовремя оборона вдогонку щедро поливала во тьму. Глаза у Ивана Григорьевича были не повреждены, мелкие осколки повредили его лицо. В санбат он не уходил. Знал, что помочь раненым будет некому.

Однажды немцы затеяли психическую атаку. Они шли во весь рост. Короткие сапоги, без касок и головного убора, с расстегнутыми мундирами, засученными рукавами. Автоматы несут, положив поперек, держась руками за ствол и за приклад. Передние несут автоматы стволами вперед на изготовке вести огонь. Ни стрельбы, ни команд. Они идут как на параде в ногу. Идут уверенно. За плечами рюкзаки из телячьей кожи. Чего только в них не оказалось: газеты и белый хлеб, зубные щетки и порошок, крем и сапожные щетки, игральные карты и порнография, чистые носовые платки и белье - всего у них хватало, Европа работала на варвара. Заиграл какой-то духовой оркестр, что-то похожее на марш: их подбодрить, нас запугать. Признаться, никто этого не ожидал. Мы впервые видели и слышали это, хотя считались, чуть ли не ветеранами. У нас было много новичков. Вот Тихомиров, 1923 года рождения, только прибыл в **Коротояк**. Работал в колхозе, у него не было даже близко знакомой девушки, которая бы ждала его и провожала на фронт. Он был такой не один. Меня провожали на фронт на станции Елань-Колено Воронежской области только мама и отец. Не было ни одной знакомой, которая бы меня ждала и думала обо мне. И становилось как-то обидно, что ты никому не нужен, кроме родных. А нам уже было полных 18 лет. А тут эти немцы прут. Почему они так уверены, идут себе, даже не стреляют?

Однажды ребята притащили венгерский станковый пулемет «Като». Думали-гадали, кому отдать? Командир решил отдать мне, учитель разберется. Дали мне неразговорчивого бойца Проскурина. Я даже не знал, из каких он мест. На дне окопа он чаще всего спал. Окоп был хорошо оборудован. Ниша для пулемета надежная. Слева прикрывала грудь толстая осокорина, пулемет был со щитком, похожий на нашего «Максима». Патронов много, банок 10. Казалось, и беспокоиться было нечего. Оно может и так, но из пулемета я никогда не стрелял, и становилось не по себе от непонятных действий и всеобщего напряжения. Не к месту вспомнилось Горьковское «Все дремлет, но дремлет напряженно чутко и, кажется, вот в следующую минуту все встрепенется...»

Мы понимали, что нужно подпустить ближе, но понимали, что если они подойдут на дистанцию броска гранаты, то справиться будет трудно. Если бросить гранату и сразу прыгнуть в траншею противника, то и пулемет не поможет. Но у нас не было траншей, и допускать очень близко врага мы не думали. Мы верили своему командиру роты: он знал, когда подать команду, его окоп был на одной линии с нами. Это вселяло уверенность. На одной линии с нами был и санинструктор, совсем рядом.

Команда была подана неожиданно. Мой «Kato» бил яростно, но мне казалось, что его скорострельность малая. Кончилась лента, а мой помощник мешкал. Он бубнил внизу окопа молитву. Обычно он часто повторял: «Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, во веки веков. Аминь!» Мне стало страшно, хотя я не слышал, что читал Проскурин, но раньше от него слышал: «Не введи во искушение. Избави нас от лукавого. Господи, слава тебе». Я не знал ни одной молитвы. Мои родители – закоренелые безбожники, хотя мама моя неграмотная крестьянка. Проскурин подавал банки с лентами исправно, не надеясь на Всевышнего, когда просил: «Владыка, прости, исцели, немощи наши...».

Говорят, на войне гибнут лучшие. Нет, снаряд, мина, пуля убивает всякого храброго и не очень. Вышедшие из боя живыми долго будут носить в себе следы войны. Многие боли передаются детям нашим, внукам и правнукам. Вот и Проскурина однажды послали в сторожевое охранение вместе с другими. Назад он не вернулся. Где-то по привычки уснул, а ошибок враг не прощает и молитв наших не слышит ни враг, ни Бог...

Немцы падали, но шли в атаку, казалось, им не будет конца. Несколько гранат с длинными ручками разорвались, не долетев до наших окопов, но они шли, падали и снова шли, именно шли, а не бежали. Если бы немцы кричали или бежали, торопились достичь наших окопов, это было бы обычным. Но они шли спокойно, строчили из автоматов, и это создавало впечатление, что их ряды никогда не кончатся, уж, не вся ли армия двинулась на нашу девятую роту. Это приводило в смятение не только молодых... Не знаю, много ли фашистов мы скосили, но видел, как они падали убитые и раненые и просто, чтобы спастись. Горлачев выскочил из своего окопа на железнодорожную линию и почти не прячась, поливал свинцом. Ему было за сорок. На досуге он, собрав нас, желторотиков, посвящал в свои тайны:

- Девки, они смелых любят. Над робкими смеются. Тюхматюха, а не мужик! Вот как они кроют нашего брата. Я уж их знаю.

Мы, открыв рты, слушали, боготворили его, пуля, снаряд и мина шадили его. Воевал он смело, можно сказать, весело. У него не было ни одной награды. Да никто и не думал о наградах. В тот период мы думали, как бы остановить врага. Мы выдержали эту атаку. Трудно, но выдержали.

В сторожевое охранение на ночь мы попали втроем, со мной Тихомиров и Баркалов. Наша задача состояла в том, чтобы ночью роту не застали врасплох. В глазах от многих бессонных ночей будто насыпан песок. Можно заснуть на ходу, стоя, сидя. Но сейчас, когда мы могли спать по очереди, жить было можно. Да, и днем приходилось прикорнуть, когда тихо. В день психической атаки попытки сбить нас повторялись трижды, и мы были намучены боями, пищи второй день нам не доставляли, воду мы пили болотную.

Отойдя метров на 30-40 от своей обороны, мы стали встречать убитых. Шел август, и часов в 10 вечера уже темнело. Сначала мы заняли свои места за деревьями. Когда стемнело больше, мы услышали крики, стоны, возню в кустах. Немцы вытаскивали убитых и раненых. Где-то слышалось: «Helfen» (помогите). Стоять на месте было нельзя: уснешь и превратишься в «языка», попадешь в плен, что считалось хуже смерти. Двигаться нужно было осторожно, чтобы себя не обнаружить. Всю ночь немцы таскали раненых и убитых. И всю ночь, сдерживая сон, мы были в таком напряжении, какого не бывает и во время боя. Мы отвечали за всю роту. Утром Мандер сказал: «Идите спать».

Утром внезапно позади нас в стороне **Коротояка** заскрежетал, завыл шестиствольный немецкий миномет, прозванный «ишаком», некоторые называли его «Пукой» с небольшим добавлением. Мы сразу догадались, куда летят эти «гостинцы», нырнули в окопы и вовремя это сделали. Мины упали рядом с переездом. Земля в окопах от взрывов сыплется. Чем они начиняют эти центнеровые мины, но пахнет нефтью, толлом, гарью, и вся эта смесь не дает дышать. Пытались даже одевать противогазы. «Ишак» «сыграл» два раза, но вреда нам не принес.

Вслед за этим над нашими головами появились немецкие самолеты. До этого ежедневно над нами, над дорогой на большой высоте кружилась «рама» - это корректировщик «Фокке-вульф». По нему не стреляли, и «рама» продолжала

кружиться, высматривая и фотографируя. Обнаружить нас было трудно, все же что-то она высмотрела и навела на цель целых 6 самолетов. Один из них сбросил две бомбы на нашу роту, остальные бомбили в районе нашего штаба полка и в **Коротояке**. Ни одна из бомб на переезд железной дороги не попала, но три расчёта 82 мм минометов одна из бомб уничтожила, образовав большую воронку, заполнившуюся водой. Никаких следов не осталось от минометов. От десяти минометчиков мало что осталось: дымилась воронка, и валялись куски обмоток и другой одежды.

Мы услышали какие-то отдаленные звуки рожков, затем крики наших бойцов из сторожевого охранения. Они бежали и кричали: «Не стреляйте! Помогите! Немцы!». Следом на близком от них расстоянии бежали вражеские солдаты. Известная тактика. Играя на нашем гуманизме, фашисты пользовались этим приемом, пуская впереди себя женщин с детьми, гражданское население. Дело принимало плохо оборот. Два наших бойца из числа молодых были впереди и успели добежать до переезда, упали, ползли к своим. А два солдата, преследуемые противником, тащили за собой большую группу, которая могла ворваться на наши позиции и причинить нам много неприятного или совсем непоправимого. Мандер дал приказ открыть огонь. Так погибло два наших товарища по своей халатности. Мадыяры не предполагали, что оборона будет вести огонь и за это заплатили немалыми потерями.

Сзади на немецком языке слышались крики: «Vorwärts (вперед), Slip (труссы), Schritt zu halten (не отставать) и еще что-то не пристойное по-немецки и по-русски. «Вперед, мадыяры», - слышно было хорошо. Видимо, заградительный немецкий отряд гнал венгров под наши пули и для психологического воздействия на нас и на них, костерил и по-немецки и по-русски.

Все время были слышны звуки рожков: то блеет овца, то мычит корова, то слышится какой-то мотив. Если раньше атаки шли прямо в лоб, то на этот раз мадыяры гнали не только прямо перед фронтом обороны, а стремились обойти нас слева и справа по открытой местности. Слева от нас Дон. По колено в воде, а где и больше, на одну не полную роту, которая понесла некоторые потери и имела поддержку только минометной батареей и станкового пулемета, двигалось до батальона пехоты врага. Обстановка еще больше осложнилась, когда начали падать снаряды и мины. «Максим» наш был разбит, у меня оставался «Kato», у Горлачева – ДП (ручной пулемет,

разработанный В.А. Дегтяревым), у Генералова – второй ДП. Каждый из обороняющихся имел по 1-2 немецких «шмайссера», запасных дисков много, полно было и немецких запашных гранат.

В этом бою, по мнению командира роты, я уничтожил не менее 16 солдат врага. Ни я, ни он, думается, их не считали. Когда было считать и для чего? Много лет спустя пришлось читать свою характеристику командира роты. После этого боя я коротко написал: «Прошу считать меня членом партии». Кандидатом в члены ВКП(б) я был с мая 1942 года. Рекомендацию мне дали бойцы нашей роты Генералов и Баркалов.

А пока роту обходили слева и справа. По воде и трясине шли мадьяры, подгоняемые страхом. Мандер приказал: «Бить по левому флангу наступающих!». Расстояние еще было порядочное, но надо было пристреляться. Заметил, что мои пули не приносят никакого вреда. Оказалось, что мушки не было: была сбита осколками или пулями. Снаряды и мины беспокоили нас не на шутку. Замолчал пулемет Генералова. Его сменил Баркалов. Неутомимый Горлачев вел огонь по правому флангу врага. Вели и прицельный винтовочный огонь, у кого был наш автомат, били одиночными. Вдруг замолчал пулемет Баркалова, он застонал и приник к земле. Пулемет был разбит, а он тяжело и безнадежно ранен в живот. Когда его тащил санинструктор вниз с насыпи, кровавый след был ясно виден. Он лежал долго, несколько часов, просил, когда приходил в память, пристрелить. Ничем помочь ему было нельзя. Прекратить его страдания у нас не хватило решимости. За пулемет лег командир роты. Думаю, если бы случилась задержка, что с автоматическим оружием бывает, было бы плохо. Но «Kato» работал исправно. По нашему левому флангу враг был остановлен, т.к. был встречен прицельным огнем, когда подошел ближе, но здесь и воды было больше. Когда идешь по болоту, много не навоюешь. С правого фланга место было повыше и посуше. И здесь намеревались зайти к нам в тыл. Уже почти поравнялись с нами. Мандер сам лег за пулемет и приказал Горлачеву перенести огонь, и мадьярам ничего не оставалось, как прекратить наступление. Вдруг замолчал пулемет Мандера. Командир роты согнул голову вниз, сжал ноги, будто у него вдруг заболел живот. Ранен он был в пах и левое плечо. Создавалось самое критическое положение. Броварь осторожно оттянул его от пулемета в более безопасное место (разве узнаешь, где оно более безопасное), лег

за пулемет. На счастье «Kato» работал, но оставалось мало патронов. Наступление было отбито.

Николай Ануфриевич родом из-под Белой Церкви, Киевской области, мужчина высокий, красивый. Когда мы с Броварем тянули и несли его на плащ-палатке к переправе, то почувствовали, что значит нести раненного километра два, да еще под минометным огнем противника. Вечерело, но наши броски были замечены и каждый раз сопровождались минным налетом. Санинструктор статный, здоровый, коренастый, очень опытный. После броска мы некоторое время лежали, не двигаясь, иногда сразу же снова вскакивали и несли командира. Кочки, редкие заросли мешали нам, но и спасали от прицельного огня. Откуда-то стал бить пулемет. В душе появилось сомнение, а вдруг немцы захватили переправу, куда мы несем командира. Не оттуда ли строчит пулемет?

Как ни аккуратно мы старались нести командира, но при своем падении все равно толчки получал и он, на руках такую тяжесть удержать было невозможно. Он чуть-чуть постанывал, потом затих. И вдруг сказал: «Ребята, посмотрите, что там... внизу», а сам тянется к нагану. Броварь еще раньше перевязал левое плечо, а кровь в паху продолжала идти. Как перевяжешь мошонку? Броварь ответил: «Ничего страшного. Еще девок...», хотя в этом и сомневался. Раненый попросил пить, санинструктор разрешил дать хотя бы глоток, но воды в наших флягах не оказалось. До реки оставалось немного. Когда я подполз к Дону, то увидел то, чего не видел во время переправы. На правом берегу было много убитых, никто их не убирал. Воды набрал в реке, дал глоток командиру.

Левый берег был покрыт кустарником, попорченный разрывами мин и снарядов. Долго мы просили лодку, дважды палили из пистолета Мандера, пока старичок – солдат не пригнал нам лодку с дырами, заткнутыми смоляными тряпками. В лодке лежал и черпак. Пока перевозили Мандера, две мины бухнули на тот берег, одна попала в реку. Воду надо было вычерпывать постоянно. Или сил у нас уменьшилось или потерявший сознание командир стал тяжелым, но на высокий левый берег по ступенькам, как по лестнице, мы строим его еле втащили. На наше счастье, недалеко от берега стояла повозка с запряженной лошадью, на которой битком лежали раненые. Мы нашли место своему любимому командиру, несмотря на возражение ездового. Больше ничего мы не знаем о своем командире роты, который был у нас несколько месяцев.

Высокий, чернявый, с аккуратными усиками помощник старшины Шац нагрузил нас продуктами основательно: дал термос с пресной водой (это был чай), мешок сухарей, по полмешка хлеба и консервов. Переплыв на правый берег, мы сначала подкрепились. Паек мы получили на всех, но есть придется не каждому. Недавно Шац сидел с нами в окопах, а теперь снабжает нас продуктами, правда плохо - во время боя никого нет. Часам к одиннадцати ночи мы принесли еду и чай. Сон дороже всего, но голод тоже не родная тетка. Мало – помалу люди просыпались, получали по буханке хлеба и по 2 больших банки консервов, сухари, чай. Тут же ели и снова засыпали. Был у нас еще один враг. Это комары и болотная вода. Чистой воды не хватало.

Однажды утром я не смог вылезти из окопа. Дня два Броварь поил меня чистой водой с сахаром, давал сухари. Воды пил много, мог выпить целый двухлитровый котелок. Когда температура стала очень высокой, меня доставили в Давыдовку. Как это было, не помню. Был ли там медсанбат или батальонный медицинский пункт...

Когда пришел в себя, то увидел, что меня за руку держит медсестра и считает пульс, улыбнулась, поставила градусник, измерила температуру и сказала: «Кризис прошел». Несколько дней температура держалась около 41. Мне не хотелось есть, тошнило от одного вида еды. Разжимали зубы, вливали ложку спирта, вызывая аппетит, так не вводили акрихин от малярии. Дней через 10 меня выписали на передовую. В вещмешок положили легкого табаку пачек пять, хотя я и не курил, хлеба, консервов, два носовых платка, два полотенца, кружку алюминиевую. Белье и обмундирование было чистым. До меня дошло лишь тогда, кто это сделал, когда сестричка молодая, чернявая Люся, которая, не отходя, сидела у кровати, вышла меня провожать. Врач приказал ей не отходить, пока не приду в сознание. Она это делала несколько суток. Я был очень слаб, мне было не до амуров, но заметил, что Люся была красивой, внимательной и какой-то близкой. Проводила меня километра два. И хотя военных было много, она крепко при всех целовала прямо в губы. За все, чего не было у нас, что могло быть и уже никогда не будет. Это был первый случай в моей жизни! Как мне хотелось, чтобы он был последним!

С передышкой я к вечеру пришел в роту. Многих я уже не встретил. От Давыдовки до **Коротояка** дорога песчаная. Когда я присел на песчаный бугорок, то оказалось, что это могила: сначала показался носок ботинка, затем часть обмотки. Ветер

делал свои дела. Не всем на войне приходится погибать героями, много безвестных, безымянных могил героев и не героев. Иногда считают, что писать нужно только о героях. Но героя нет без коллектива. Ради чего человек совершает подвиг? Ради коллектива, ради товарищей, ради общего дела. Одни герои не могут выиграть войну. В мое отсутствие атаку противника было немало. Дорого отдал бы противник, чтобы сбросить нас в Дон. На левом фланге наступления нашей дивизии, которая вела жестокие бои в самом городе, мы должны были не дать возможности зайти в тыл дивизии, отрезать пути отхода к Дону, взять в клещи сражающиеся части и подразделения. Вот почему так настойчиво атаковал нашу роту враг. Мы помнили приказ № 227 Наркома Оборона: «До последней капли крови защищать каждую позицию... Цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...». Еще на левом берегу в сосновом лесу нам читали этот приказ.

Чтобы не дать возможности двигаться вперед, противник навешал всяких «сюрпризов» - перед нашей обороной «Шпринг мин», немецких противопехотных с взрывателями нажимного и натяжного действия. Враги перешли к другой тактике борьбы. К нам прислали другого командира роты. Я не помню его фамилии. Командиры рот и взводов так часто менялись, что их всегда не хватало перед следующим боем.

Во время одного наступления Горлачев ползком вылез из окна, взобрался на железнодорожную насыпь, высмотрел удобное место и лег с пулеметом. Немцы шли по железной дороге. Он рассказывал: «А что, ребята, мне бояться. Жизнь - это короткая прогулка перед вечным сном. Подпустил фрицев шагов на 30, идут сигары курят, сели, что-то выпили, закусили, слышно, как что-то бормочут. Один губную гармошку вытащил, но, наверно, командир выбил ее из рук, крикнул. Я по-ихнему ни хрена. Думаю: «Подождите, гады, проверю я ваши тугие рюкзаки. Семь сыновей у меня, детки мои. Чем больше их побью, меньше врагов моим сынкам и внукам достанется. А подрастут мои детки, опять придется бить каких-нибудь фашистов. Не может фашист жить дома. Ему жизненное, как это говорится, пространство подавай».

Вспомнилось, как с нами разговаривал взятый Броварем немец. В его словах и жестах столько было наглости, самоуверенности, бахвальства и ненависти. Он ругался по-немецки, добавляя и русские выражения. В немецких рюкзаках встретился немецко-русский разговорник, специально

подготовленный для захватчиков. Там предусмотрено все: поведения в гостинице, в ресторане, в кафе, у сапожника и портного... Даже были даны рекомендации, как знакомиться с женщиной, начинай с «добрый вечер, барыня», кончая «теперь мне хватит, убирайтесь». Вежливо в стиле насильника.

- Дядя, - сказал молодой боец Тихомиров, - а почему у вас детей много?

- Ах, сынок, молод ты еще, небось, и девок не было, а я... Длинная очередь из автомата прервала разговор. Откуда? Били из нашего автомата. Пули прошли грудь Тихомирова, он не успел ничего сказать, только раскрыл рот, кровь хлынула изо рта и груди. Рядом было человек 5-6 и все остались невредимыми. Мы выпустили несколько очередей по кустам. Так погиб мой ровесник.

Однажды санинструктор решил оборудовать окоп для раненых, пусть не очень глубокий, но посвободнее. Где было сделать перевязку? Сташит он раненного с насыпи, от снарядов и мин спасения нет и за насыпью. Весь противогаз у Броваря оказался в пробоинах. Облюбовал он место метров за 30 от переезда, нашел две больших лопаты, попросил меня помочь. Только мы начали копать, как услышали очень глухой далекий выстрел. Какие-то внутренние силы заставили меня взглянуть на Броваря так, что он точно загипнотизированный вслед за мной в один миг бросился через полотно железной дороги. Мы полетели кувырком по ту сторону насыпи. Не успели мы еще приземлиться, как раздался страшной силы взрыв. Куски земли, пыль, свист каких-то обломков... Мы лежим, не понимаем, что случилось. Почему мы здесь? Кто нас заставил молниеносно убежать. Даже более того, какое право мы имели это делать? Когда мы перескочили железную дорогу, на месте нашего окопа образовалась заполненная наполовину водой большая воронка, две осокорины валялись рядом, вывернутые с корнем. Это было так, хотя в это было трудно поверить. И потом мы слышали далекие выстрелы, где-то за Меловой горой, и разрывы снарядов, но не у нас.

Пришлось нам видеть армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса, члена Военного Совета. В последних числах июля, когда мы готовили еловые и сосновые плоты для переправы через Дон, Мехлис днем в сопровождении какого-то генерала и полковника, а также капитана с автоматом появились в лесу. «Мехлис, Мехлис», - раздался голоса. Мы думали, что это большой начальник. Больше мы ничего не знали. Вдруг в вышине запела мина. Знали, что пролетит дальше. Вторая - с

шепотом, знали, что это наша. При дружном крике «Ложись!» Мехлис и не дрогнул, капитан вместе с нами энергично приземлился. И нужно было так случиться, что никто из нас не пострадал, а капитан (наверное, ординарец) был тяжело ранен в голову. Он был в каске, но осколок нашел незащищенное место. Его унесли на носилках.

Так наша рота стала Гвардейской. Из таких рот поредевших, уничтоженных, вновь возродившихся состоят пехотные батальоны, полки и дивизии – основная живая сила, закрепляющая любую победу. Вся наша дивизия стала 46-й Гвардейской. Радости нашей не было конца. Завидовали тем, кто носил усы, а у нас они еще не росли.

Уже на Калининском фронте капельмейстер музввода Митин написал музыку и слова:

1. Наша славная дивизия

В боях за **Коротояк**

За стойкость и отвагу

Гвардейской назвалась.

Мы красные бойцы

За честь своей страны

Со знаменем вперед

Мы смело пойдем.

2. На сталинский приказ

Мы гвардейцы поклялись,

За Птахинскую сопку

Отчаянно дрались.

Командир наш боевой

Гвардейской сорок шестой

Он всем бойцам своим

Дает приказ такой.

Припев: Бей врага, коли врага

Прикладом и штыком,

Мы стойкие гвардейцы

На запад путь пробьем.

Более 40 лет прошло с тех пор, как мне удалось прочитать, что в период с 6 по 17 августа 1942 года 6 Армия Воронежского фронта провела наступательную операцию против второй Венгерской Армии, заставив в связи с этим, задержать под Воронежем три пехотные и две танковые дивизии, предназначенные для наступления на Сталинград. Я был счастлив, прочитав это в замечательной книге С.М. Борзунова «У родного порога», где говорится о нашей 174 стрелковой дивизии, отличившейся в этих боях.

Это и побудило меня написать о своей роте.